

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Т67

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Алексея Провоторова

Составитель *Парфенов М. С.*

Т67 **13 маньяков: Сборник рассказов.**— Москва: Издательство АСТ, 2018.— 444, [2] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-106114-2

13 авторов.

13 рассказов и повестей.

13 серийных убийц и маньяков.

Создатели антологий-бестселлеров «Самая страшная книга 2014» и «Самая страшная книга 2015» представляют новый уникальный проект — сборник, целиком и полностью посвященный, пожалуй, самой ужасающей теме современности.

Писатели, работающие в жанре «хоррор», заглянули на свой страх и риск в кровавую бездну человеческого безумия — и готовы поделиться с вами теми кошмарами, которые в этой бездне увидели.

Не для слабонервных. Не для детей. Не для беременных.

Будь осторожен, читатель. Эта книга способна свести с ума.

Безумие — заразно...

© Авторы, текст, 2015

© Парфенов М. С., составление, 2015

© А. Провоторов, обложка, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2018

13 фактов о маньяках и серийных убийцах, которые полезно узнать перед тем, как приступать к чтению книги «13 маньяков»

1. У терминов «маньяк» и «серийный убийца» разные значения. Не всякий маньяк совершает серии убийств, и не всякий серийный убийца страдает какой-либо манией.

2. Словосочетание «серийный убийца» (serial killer) взяли на вооружение в ФБР лишь в 1990-е годы. Прежде подобных преступников называли «массовые убийцы».

3. Первым серийным убийцей считается так и оставшийся непоиманным лондонский маньяк Джек-потрошитель. В 2014 году с помощью тестов ДНК удалось установить, что проституток в Уайт-чепеле резал психически больной польский эмигрант.

4. Как правило, серийными убийцами становятся белые мужчины среднего возраста или молодые. Но из этого правила есть немало печальных исключений — азиатов, африканцев, женщин, подростков, стариков.

5. Серийных убийц разделяют на две категории — организованные и дезорганизованные. Первые считаются более опасными, так как расчетливы, стремятся замечать следы и могут убивать долго, в течение десятилетий. Преступления других отли-

чаются особой извращенной жестокостью. Выделяют и третий тип – смешанный. Вероятно, самые ужасные убийцы относятся именно к нему.

6. Большинство серийных убийц осознают свои действия, планируют их (порой на это уходят годы). Многие забирают какие-либо предметы или части тел своих жертв, приходят на места убийств, снимают фото и видео – на память.

7. В быту серийные убийцы редко вызывают у окружающих подозрение. Они могут быть примерными мужьями, отцами, детьми, работать, учиться, дружить, заводить личные отношения. Убийцей может оказаться любой.

8. Серийные убийцы могут действовать сообща. Существуют даже примеры супружеских пар, в которых священные узы брака соединяют сердца двух влюбленных маньяков. Известны случаи, когда маньякам так или иначе помогали родственники.

9. Среди прообразов известного литературного, кинематографического и телевизионного маньяка Ганнибала Лектера был реальный серийный убийца Тед Банди. На сегодня о докторе Лектере сняты пять полнометражных кинолент и один популярный телесериал.

10. Популярностью пользуются не только маньяки, выдуманные писателями и сценаристами, но и настоящие убийцы. В социальной сети ВКонтакте существует несколько десятков сообществ, посвященных «серийникам» и маньякам. В самых крупных таких сообществах состоит до сорока тысяч человек.

11. В США проживает всего пять процентов населения Земли, однако семьдесят четыре процента

всех известных серийных убийц — жители Соединенных Штатов.

С 1990 годов в России постоянно росло число преступлений, совершаемых серийными убийцами. До 1998 года в среднем заводили 20–30 уголовных дел такого рода. В 2002 году было заведено уже 205 дел. В 2003-м — 350. И в том же году доступ к статистике серийных преступлений на территории России был официально закрыт.

13. Сколько сейчас по городам и весям России орудует серийных убийц и иных маньяков — можно только догадываться...

Блажен муж, направляющий сына своего на путь истинный, в коем тот будет восхищен бичеванием.

Альберт Фиш

Маньяк № 1
Максим Кабир
МЕТОД СБОРКИ

Когда Глеб Минаков поднялся на сцену, его заметно шатало, и выступление предварила пауза, заполненная немой борьбой со страницами его собственной книги.

Слушатели — их в этот вечер было много, ни одного пустого столика,— ждали, снисходительно прощая популярному автору манеру выступать подшофе. Наконец их ожидание было вознаграждено.

Сперва заплетающимся, но с каждой строкой твердеющим языком он зачитал отрывок из «Рабов». Даже те, кто читал роман Минакова (а таких было большинство), оторвались от еды и напитков и внимали автору.

Глеб Минаков любил выступать и делал это лучше многих коллег. Впрочем, он и писал лучше коллег — не на каждой обложке красуется надпись: «Национальный бестселлер». На его книге такая нелишняя пометка была.

Он закончил выступление практически трезвым и под гром аплодисментов спустился в зал.

На сцене появился организатор мероприятия, объявивший, что третий, последний день литературного фестиваля завершен.

«Хвала небесам»,— подумал Минаков, который терпеть не мог писательские сборища, но исправно посещал их во имя статуса и бесплатной выпивки.

Протиснувшись сквозь завистливо-восхищенные взоры, он сел за свой столик и махом выпил бокал невкусного коктейля.

Впереди его ждала еще одна ночь в безликой гостинице, утреннее похмелье и поезд домой, к надоевшей жене.

— Ну, умеешь, брат, умеешь! — гулко похвалил его Рокотов, неприятный, но солидный детский писатель.

С тех пор как Минаков из юного красавца поэта превратился в уважаемого, обласканного критикой молодого прозаика, он пил только с признанными литераторами. И не его вина, что все признанные оказывались редкими мерзавцами. К тридцати пяти Минаков обзавелся премиями и брюшком и на себя прошлого смотрел так же снисходительно, как на всех начинающих творцов.

— Давай за качественную литературу,— сказал Рокотов, пододвигая Глебу стопку водки. Висящая на локте детского писателя похожая на лемура поэтесса Лерочка поинтересовалась:

— Над чем вы сейчас работаете, Глеб Юрьич?

«Над разводом»,— подумал писатель.

— Над сборником рассказов о войне,— соврал он вслух и обвел взглядом клуб.

Публика постепенно редела, оставались лишь самые стойкие любители литературы, чьи организации еще выдерживали третий день пьянства. Он искал рыжую деваху, которая в течение всего вечера кокетливо поглядывала в его сторону, прижимая к внушительной груди экземпляр «Рабов». Но рыжая, видимо, удовлетворилась автографом и покинула клуб. Сделать минет любимому писателю в этой дыре не считалось хорошим тоном.

Минаков выругался про себя и потянулся к очередной стопке, но его рука замерла на полпути.

За столиком напротив сидела худенькая блондинка в черной кофточке с блестками и черной же кожаной юбке, и эта блондинка не сводила с писателя глаз.

«Так-так-так,— немедленно заинтересовался Минаков.— Кто это тут у нас?»

В своей жизни он больше всего любил три вещи, и литература в тройку не входила. Еда, выпивка и женщины — вот что приносило ему удовольствие. Еда — жирная и острая. Выпивка — любая. И женщины тоже любые. Он не перебирал харчами.

Девушка за столиком напротив смотрела, не отрываясь, уцепившись за него зрачками, как гарпунами. Лицо узкое, скуластое, светлые прямые волосы обрезаны у костлявых ключиц. Минаков предпочитал барышень с формами, а блондинка была худой, даже чересчур, свободная ткань кофточки не выдавала никаких округлостей. Зато ее ноги были стройными и длинными, и поблизости не наблюдалось других красоток, готовых дать популярному автору.

— Прости,— прервал Минаков болтовню Рокотова.— Увидел знакомую, пойду пообщаюсь с ней.

— Ага, давай. У нас с Лерочкой через час поезд. Ты завтра уезжаешь, да? Ну тогда до следующего фестиваля. Давай на коня.

Минаков торопливо выпил и, поправляя волосы, направился к блондинке.

— Не помешаю?

Вблизи блондинка показалась старше — лет тридцати или около того. Ее глаза были карими, неожиданно темными. Обильно подведенные голубыми тенями глаза выделялись на бледном лице.

— Понимаете, я там сидел с коллегами-графоманами, слушал их невыносимый поток сознания и мечтал увидеть хоть одного красивого человека. Понимаете, я три дня не видел ни одного красивого человека, и мое чувство прекрасного совсем истрадалось. А тут появились вы. И я просто хотел поблагодарить вас. Честное слово, во мне бы что-то умерло, если бы не вы.

Минаков замолчал. Его речь не вызвала у девушки никаких эмоций. Если бы она не смотрела прямо на него, можно было бы подумать, что она его игнорирует. Минаков хотел уже извиниться и уйти, но тонкие губы блондинки дрогнули, и она широко улыбнулась. Будто чудесным образом ожила античная статуя. Улыбка писателю понравилась. Да и сама девица была бы ничего, если бы не бледность и перебор с тенями. Черты тонкие, брови красивой формы и нос. Она подошла бы на роль древнеримской богини. Не Венера, конечно, но вполне себе охотница Диана.

— Спасибо-спасибо. Рада, что спасла вас.

Она говорила быстро и негромко.

— Я был на волоске от смерти. Вы не представляете, какими ужасными могут быть братья по перу.

— Догадываюсь.

— Глеб Минаков.

Он протянул ей руку, она ответила скованным движением тонкой кисти. Улыбка держалась на ее губах, подбадривая его. Минаков поцеловал холодную, почти прозрачную кожу руки, отмечая, что его новая знакомая грызет ногти. Его это, впрочем, нисколько не покорило. Он сам грыз ногти, работая над романом.

— Я знаю, кто вы.

«Это плюс», — подумал он самодовольно.

— А я вот, к своему стыду, вас не знаю.

— Нина.

— Очень красивое имя. Что ж, Нина, и каким образом мы с вами будем переходить на «ты»? Вино, коньяк?

— Предпочту коньяк.

— Прекрасно.

К тому времени, как официантка принесла бутылку «Арарата» и колу, литераторы освободили соседние столики, их место заняли обычные заведомо клубы. Грянул оглушительно драм-энд-басс.

— Как тебе вечер? Впервые на фестивале?

— Нет. В прошлом году была здесь.

Она сделала неловкий жест кистью, словно отгоняла невидимую муху, и, застеснявшись собственной руки, потупилась.

— Ты местная? Как же я сразу не догадался! Только вблизи моря появляются такие нимфы.

Размягченный алкоголем, он изрекал недопустимые банальности, но не мог остановиться.

— Ты сама пишешь? Ставлю сотню, что ты поэтесса.

— Ошибся. Я медсестра.

— Одно другому не мешает.

— Но я не пишу. Я читаю.

— В наше время это редкость. Один читатель на легион писателей. За настоящего, чистого читателя!

Он выпил, не сводя с нее глаз, прощупывая ее: опьянела ли? Но она оставалась трезвой, скованной... и улыбчивой.

«Ладно-ладно»,— он заново наполнил бокалы.

— Мой муж был писателем,— сказала она. Глаза ее погрузнели, затуманились, но через миг она вновь сверкала аккуратными зубками.

— Был? Он что...

Она нервно трянула волосами.

— Да, умер полтора года назад. Обширное кровоизлияние в мозг. Он был хирургом. Закончил оперировать пациента, сел на кушетку и умер.

— На самом деле не худший вариант. Спасти кому-то жизнь, и... — Минаков подумал, что пора сворачивать с этой темы, и спросил: — Как фамилия твоего мужа? Может быть, я читал его?

— Нет,— усмехнулась Нина.— Он не печатался. То, что он писал, было только для меня. Ну а ты женат?

Врать не имело смысла — его биография с указанным семейным статусом печаталась на обороте книги. Он и не соврал:

— В состоянии развода. Собственно, послезавтра идем в ЗАГС. Как говорится, все что ни делается...

Они допивали коньяк уже хорошими знакомыми, которым есть о чем поговорить.

Когда Глеб предложил прогуляться, она согласилась, но попросила подождать ее на улице. Он взял бокал пива и вывалился из клуба, расталкивая молодежь.

Время приближалось к полуночи, курортный город не собирался спать. Многочисленные парочки бродили вдоль аллеи с пальмами, музыка из ресторанов сливалась в какофонию, и летние звезды цвели огромными гроздьями.

— Это же тот писатель, — донесся обрывок разговора. — Я видела его на ток-шоу...

Минаков сделал вид, что не услышал, но про себя довольно крикнул. Почему бы и не быть довольным? Послезавтра он освободится от семейных уз, глупой ошибки длиной в семь лет. А дальше — свобода, новые романы, возможно, экранизация «Рабов»...

Впервые за долгое время он почувствовал то, что обычно именуется «вдохновением».

Курортный город не спал, и он тоже не собирался спать.

Нина эта слегка странная, но странные девочки быстрее дают писателям. Это было бы идеальным окончанием фестиваля.

Он успел допить пиво прежде, чем Нина вышла из клуба. Она обновила макияж, но стала еще бледнее. Улыбка диссонировала с тяжелым, трезвым, чересчур серьезным взглядом.

«Может быть, это ее первое общение с мужчиной после смерти мужа?» — предположил Минаков.

Нина шагнула к нему, прижалась к его груди и неожиданно рассмеялась. Смех был резкий и немного искусственный.

— В чем дело, Ниночка?

— Вспомнила, как увидела тебя впервые в прошлом году.

— О, это было ужасно! — Он закатил глаза и скорчил пьяную гримасу. — Я же едва на ногах держался, скандал закатил на сцене.

— И все-таки я подумала тогда...

— Что подумала?

— Что я должна прочитать твою книгу. Что это то, о чем говорил мой муж. Книга, которую надо читать.

— Что же еще делать с книгами? — хохотнул Глеб, ненавязчиво поглаживая Нину по спине. От застежки бюстгальтера вниз, к талии, потом вверх, под волосы. Рука мягко массировала женскую шею.

Нина отпрянула со ставшей уже традиционной резкостью и по-кошачьи мякнула. Это должно было символизировать флирт, но на деле прозвучало диковато.

— Не все, — сказала она.

— А? Ты о чем?

— Не все книги надо читать. Только важные.

— Как же узнать, важная книга или нет, если не дочитать ее до конца?

— Можно узнать. Муж научил меня. Пошли к морю.

Она схватила писателя за руку и потащила через толпу, то и дело оглядываясь на него. В ее огромных, узурпировавших всю власть на бледном лице

глазах сверкали отражения неоновых реклам, рот растягивался в улыбке.

Попадавшихся на пути людей она отпихивала свободной рукой, и Минакову, плывшему за ней в алкогольном тумане, казалось, что она продолжает тихо мяукать.

«Странные все же женщины интересуются литературой,— думал он.— Нормальные бабы должны любить деньги, а не это скопление строк и слов».

— Не так быстро,— попросил он.

Впереди темное ночное море сливалось с ночным небом, делясь между собой звездами и кораблями.

— Постоим на пляже,— то ли попросила, то ли приказала она. И добавила почти испуганно, когда у него в кармане зазвонил телефон: — Не отвечай!

— Слушай,— раздраженно произнес Минаков, вытаскивая мобилку,— не гони лошадей. Я успею и ответить на звонок, и постоять с тобой.

Длинные ноги и маленькие причуды — это, конечно, хорошо, но он терпеть не мог, когда женщина начинала им командовать.

— Алло.

Звонил организатор фестиваля узнать, всем ли довольна звезда и не желает ли продолжить ночные посиделки в ресторане. Звезда соврала, что уже в отеле и готовится ко сну. Когда занудливый организатор наконец отключился, Глеб обнаружил, что стоит на проспекте один.

«Мать твою,— подумал он, вертя головой.— Если эта дурочка смылась, придется действительно возвращаться в паршивый отель».

Яркий свет фонарей и рекламы не дотягивался своими электрическими лапками до пляжа, и в темноте у самого моря писатель различил одинокую фигурку. Он перепрыгнул через парапет, захрустел по мокрому песку туфлями. Из полумрака выплыли очертания Нины. Она стояла, обхватив руками плечи, и морской бриз развеивал ее волосы.

— А вот и беглянка...

Минаков осекся, услышав, что Нина бормочет что-то, будто молится набегающим волнам. Он поравнялся с ней у черты прибоя и прислушался.

— Перед глазами, после долгих километров бурого гравия, наконец-то возник неровно очерченный, словно первый шаг ребенка, край горизонта. Цвет хлынул на меня и сшиб с ног, я лишь отупело смотрел вдаль, едва различая, как полоса насыщенно синего сменяла голубоватый, а затем глубоко зеленый. Я бросился вперед, снимая на ходу шарф, стягивая перчатки и расшнуровывая ботинки, чтобы вобрать через поры холод и соль декабрьского моря. Вдруг вода забурлила: на водной глади появлялись пузырьки воздуха, громко лопаясь и отдавая серой. Я отступил. В голове щелкнуло, и я уже представлял себе обнаженную деву, которая выйдет из утренней пены и пропоет сладким голосом оду любви. Я замер в ожидании и каком-то сладостном предвкушении — наверное, так ждут смерти, опасаясь и одновременно наслаждаясь.

Сквозь морок водки, пива, коньяка и коктейлей Минаков попытался вспомнить, где он слышал этот отрывок раньше.

— Это же... Вот черт...